

УДК 82.0

DOI: 10.28995/2686-7249-2024-3-60-69

От «Трех сестер» к «Двум сестрам»:
редукция как прием трансформации «чужого» текста
в процессе рецепции

Маргарита М. Одесская

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, mar-1432998@yandex.ru*

Аннотация. Термин *редукция* как прием трансформации «чужого» текста в процессе его рецепции нешироко используется в литературоведении¹. Однако этот термин характеризует, на наш взгляд, одну из константных тенденций интертекстуального взаимодействия двух текстов – прецедентного и порождаемого, – когда происходит усечение, «вырезание» одних элементов сюжета и акцентуация других с целью создания новых смыслов. Эту тенденцию мы рассмотрим на примере цепочки литературных текстов, взаимодействующих, по терминологии В.Н. Топорова, в «резонантном пространстве» «Трех сестер».

Ключевые слова: «Три сестры», Чехов, рецепция, редукция, трансформация, «резонантное пространство»

Для цитирования: Одесская М.М. От «Трех сестер» к «Двум сестрам»: редукция как прием трансформации «чужого» текста в процессе рецепции // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языковедение. Культурология». 2024. № 3. С. 60–69. DOI: 10.28995/2686-7249-2024-3-60-69

From “Three Sisters” to “Two Sisters”.
Reduction as a technique for transforming an “alien” text
in the process of reception

Margarita M. Odesskaya

*Russian State University for the humanities, Moscow, Russia,
mar-1432998@yandex.ru*

Abstract. The term *reduction* as a method of transforming a “alien” text in the process of its reception is not widely used in literary criticism. However, the term characterizes, in our opinion, one of the constant trends in the inter-

© Одесская М.М., 2024

¹ Близко к нашему пониманию термин используется в статьях: [Безруков 2020; Лебедева 2015].

textual engagement of two texts – precedent and generated – when truncation occurs, “cutting out” some elements of the plot and accentuation of others in order to create new meanings. We will consider that trend using the example of a chain of literary texts interacting, in V.N. Toporov’s terminology, in the “resonant space” of “Three Sisters”.

Keywords: “Three Sisters”, Chekhov, reception, transformation, “resonant space”

For citation: Odesskaya, M.M. (2024), “From ‘Three Sisters’ to ‘Two Sisters’. Reduction as a technique for transforming an ‘alien’ text in the process of reception”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 3, pp. 60–69, DOI: 10.28995/2686-7249-2024-3-60-69

Драма Чехова «Три сестры» (1901) имеет богатую историю рецепции и интерпретации как в России, так и за рубежом. На разных временных этапах чеховский канонический текст инспирировал создание художественных текстов, актуализирующих одни и редуцирующих, усекающих другие смысловые сегменты, содержащиеся в полифоническом произведении классика. Однако цепочка литературных текстов, перекликающихся в «резонантном пространстве» «Трех сестер», начинается не с Чехова, а, как замечено исследователями, с одноименной «повести в письмах» Иеронима Ясинского, опубликованной на 10 лет раньше в журнале «Русское обозрение» [Катаев 1989, с. 217]. Как справедливо отмечает В.Б. Катаев, в повести «...можно видеть близкие, почти прямые предвосхищения отдельных мотивов чеховской пьесы. Сиротами остаются сестры Ольга, Софья, Зинаида Тумановы: умирает их отец, киевский архитектор, чуть позже мать. Старшая, Ольга, наиболее энергичная и деятельная из сестер, толкует “о женском труде и хочет поступить на курсы”; ей ищут место начальницы в какой-нибудь провинциальной гимназии». Предсмертные строки из письма Софьи, покончившей жизнь самоубийством, почти буквально переходят из повести в пьесу Чехова: «Пройдет каких-нибудь двадцать, пятьдесят лет – кто вспомнит о нашем отце? Кто помнит о живших до нас, страдающих...» [Катаев 1989, с. 217].

Повесть в письмах отражала декадентские настроения молодых людей конца столетия, что также присутствует и в пьесе Чехова. Таким образом, трудно считать отмеченные переклички двух текстов случайными². Чехов был первым, кто, надо полагать,

² Писатели были знакомы, встречались и переписывались. Ясинский отзывался на произведения Чехова, оставил воспоминания о Чехове

осознанно обратился к произведению, о котором сейчас никто не вспоминает, и пересоздал его по законам иного жанра, возвысив житейскую историю повести до экзистенциальной проблематики, символических обобщений. Что в повести подверглось редукции, усечению?

Естественно, в первую очередь монологи, из которых состоит повесть в письмах, по законам жанра потеснились, предоставив место и диалогам. Хотя, как известно, у Чехова есть драматические произведения, написанные в форме монолога («Лебединая песня», «О вреде табака»). Кстати, и монологи в «Трех сестрах» Чехова достаточно длинные, самодостаточные и произносятся как бы «поверх голов». Достаточно указать на первый монолог Ольги, с которого начинается пьеса.

Редукции подвергается и эффектный мелодраматический ход – самоубийство персонажа, – который становится значимой константой в структуре сюжета в эпоху *fin de siècle*. Следует отметить, что и сам Чехов до «Трех сестер» во многих случаях подводил своих персонажей в конце пьесы к суициду: так было в «Иванове», «Лешем», «Чайке», помышлял о самоубийстве и Войницкий в «Дяде Ване». Интересно, что в 1892 г., возможно, после прочтения повести Ясинского и обдумывая, как завершить начатую комедию «Портсигар»³, Чехов поделился с А.С. Сувориным, очевидно, мучившими его в то время мыслями о финале драмы, о желании преодолеть сложившийся стереотип: «Не даются подлые концы! Герой или женись или застрелись, другого выхода нет!» (П. 5, 72). Таким образом, отказавшись от мелодраматической развязки – самоубийства, Чехов переносит акцент с эффектного действия на высказывание Софьи из ее последнего письма и делает мысли, подобные мыслям героини повести, предметом дискуссий персонажей своей драмы. Сестры, Вершинин, Тузенбах размышляют и спорят о временном и вечном, о вере. Выстрел все-таки в пьесе есть, но происходит за сценой. Экзистенциальная проблематика у Чехова спорит с мелодраматизмом, действие уступает место философствованию.

Редуцирует Чехов и счастливый финал с супружеством, которым завершает свою повесть в письмах Ясинский. После житейских испытаний и передраг Ольга, героиня повести, принимает

в мемуарах «Роман моей жизни». В «Русском обозрении», где была опубликована повесть Ясинского, печатался и Чехов. Скорее всего Чехов читал повесть Ясинского.

³ Замысел не был осуществлен. См.: *Чехов А.П.* Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. М.: Наука, 1974–1983. Т. 5: Письма. С. 394. Далее ссылки на том и страницу этого издания даны в тексте в круглых скобках.

предложение от старого друга их семьи, она пишет ему письмо, в котором обозначается перспектива новой гармоничной жизни: «... на столе кипит самовар, комната убрана цветами, ярко горят свечи. Ваша, ваша Ольга» [Катаев 1989, с. 217]. И снова видим, как в финале своей пьесы Чехов переносит акцент с действия на размышления. Хотя в завершающих словах Ольги звучат оптимистические ноты, остается зыбкая неопределенность и неуверенность в будущем: «О милые сестры, жизнь наша еще не кончена. Будем жить! Музыка играет так весело, так радостно, и, кажется, еще немного, и мы узнаем, зачем мы живем, зачем страдаем... Если бы знать, если бы знать!» (13, 188). Финал пьесы «Три сестры» открыт.

Как известно, реакция на пьесу Чехова у его современников была неоднозначной. Появились и пародии на пьесу. Пародии интересны как сниженные стилизации, созданные на основе прецедентного текста, в которых редуцируются одни элементы сюжета и гипертрофируются другие. В сущности, пародия – это сжатый вариант оригинала, и редукция выступает как один из основных и наглядных приемов освоения «чужого» текста.

Современники критиковали чеховскую драму за отсутствие действия. Им недоставало на предметно-событийном уровне пьесы логического завершения действия, поступков героев. Метафизические идеи и символы, условности и обобщения, представленные имплицитно и выраженные в пьесе «Три сестры» в структуре сюжета посредством особого сцепления сцен, шаг за шагом ведущих персонажей к краху [Одесская 2002, с. 152–153], не считывались критиками. А потому не воплотившиеся в действии призывы сестер поехать в Москву более всего высмеивались в пародиях и фельетонах. «Много и всерьез обсуждалось, – свидетельствует А.П. Чудаков, разыскавший в периодических изданиях фельетоны и пародии на чеховские пьесы, – почему сестры просто не купят не столь уж дорогие билеты и не поедут “в Москву”, куда так хотят, и действительно ли в столице так хорошо, как полагают героини»⁴ [Чудаков 1999, с. 212].

Одна из пародий «постоянного стихотворного фельетониста “Новостей дня” Lolo (Л.Г. Мунштейна) была напечатана в этой же газете (1901, 21 сентября, № 654)» [Чудаков 1999, с. 212] и называлась «Три сестры в Москве» (Настроение в одном акте, навеянное Чеховскими «Тремя сестрами»)». Уже из названия следует, что

⁴ А.П. Чудаков сделал републикацию некоторых пародий на пьесы Чехова.

⁵ Орфография сохранена. Цит. по републикации А.П. Чудакова [Чудаков 1999, с. 207–238].

фельетонист достраивает сюжетные события чеховской пьесы, как бы приводя в соответствие высказывания персонажей и их поступки. «Действие происходит в Москве. Сцена представляет довольно грязный, шаблонно и безвкусно меблированный номер в третьей-степенной гостинице...» [Чудаков 1999, с. 224], – такой ремаркой откряывается пародия. В грязном номере дешевой гостиницы снова собираются почти все основные персонажи, кроме Андрея, Наташи, барона Тузенбаха. Помещая сестер, лишившихся дома – семейного гнезда, – в неуютной грязной гостинице (временном пристанище, казенном доме), где из соседних номеров доносятся «гнусливые звуки аристократа», «кашель чахоточного молодого человека», «шлепанье старых сафьяновых туфель», автор пародии сужает, усекает реальное пространство обитания персонажей до предела. Lolo отказывается от открытого чеховского финала, каких бы то ни было обобщений, символической многозначности и философской устремленности в будущее. Он завершает сюжет на событийном уровне, закрытым финалом, тем самым как бы загоняя сестер в угол, подчеркивая их неприкаянность и никчемность. Последние слова Ольги и Ирины – «Зачем нас черт принес в Москву?!» [Чудаков 1999, с. 231] – отнимают последнюю надежду. Таким образом, редуцируя экзистенциальную проблематику пьесы Чехова, пародируя монологи персонажей о жизни через 200–300 лет, их устремленность в будущее и беспочвенную мечтательность, фельетонист дает однозначную оценку конкретной ситуации: сестры сами виноваты в своих проблемах.

Виктор Петрович Буренин – постоянный обозреватель «Нового времени», написавший не одну статью о Чехове, более всего ценивший короткие юмористические рассказы писателя и отрицательно отзывавшийся о его драматургии, – написал довольно оскорбительную пародию на пьесу «Три сестры», содержащую грубые пассажи и характеристики. В названии пародии Буренина «Девять сестер и ни одного жениха, или Вот так бедлам в Чухломе»⁶ недвусмысленно обозначена проблематика чеховской драмы. Как и Мунштейн, Буренин редуцирует символистский и философский смыслы пьесы. Он выдвигает на передний план матримониальную сюжетную линию – несчастливое замужество и безбрачие – грубо и издевательски низводя на уровень примитива переживаемое персонажами одиночество. Буренинские сестры, носящие гротескные говорящие имена, – Шура, Мура, Дура, Ахинея, Кретина, Ерунда –

⁶ *Граф Алексис Жасминов* (Буренин В.П.). Девять сестер и ни одного жениха, или Вот так бедлам в Чухломе // Новое время. 1901. 18 марта. № 8999.

озабочены поиском женихов, отсутствие которых и является причиной их тоски.

Интересно, что сниженная и огрубленная реальность, в которую помещают персонажей «Трех сестер» авторы пародий – чеховские современники, – эхом отдается в «резонантном пространстве» конца XX – начала XXI в. Персонажи пьес Людмилы Петрушевской живут в убогой, унылой действительности 1980-х гг., конца эпохи СССР. В них, словно говорящих на другом языке во всем его многообразии косноязычия (тщательно фиксируемого автором), трудно разглядеть потомков героев чеховской драмы. И тем не менее именно как потомков, даже родственников персонажей «Трех сестер» воспринимают современные исследователи троюродных сестер, не помнящих своего родства, из «Трех девушек в голубом», ведущих борьбу за существование под прохудившейся крышей старого дачного дома, доставшегося им в наследство. «Вполне допустимо предположение, – считает Е.Н. Петухова, – что Ирина, Светлана и Татьяна – прямые литературные потомки Прозоровых: “У нас была одна прабабушка и прадедушка” (почему бы не Наташа и Андрей?)» [Петухова 2002, с. 143].

Пьесу Людмилы Петрушевской «Три девушки в голубом» (1980) литературоведы рассматривают как самую чеховскую и соотносят с «Тремя сестрами» Чехова, находя в комедии не только перекличку в названии с классической драмой, но также и сходство в проблематике, например, «бездомность» персонажей обеих пьес⁷. Венгерская исследовательница И. Регеци отмечает параллели в писательской технике драматургов, в изображении микросюжетов повседневного существования, «роковым образом» приводящих к «ухудшающейся жизни». В то же время, как справедливо уточняет И. Регеци, «Петрушевская производит трансформации, наполняющие пьесу реализмом нового типа» [Регеци 2022, с. 185]. По мнению Л.Г. Тютеловой, в комедии Петрушевской «не просто находит свое отражение чеховская традиция, но и сам текст выстраивается как пародическое прочтение пьесы “Три сестры”» [Тютелова 2004, с. 173].

Нельзя не согласиться с приведенными выше и многими другими мнениями литературоведов, указывающих на связь двух текстов и приводящих убедительную аргументацию. И все же в пьесе Петрушевской с трудом можно разглядеть чеховских персонажей, да и все, происходящее с Ириной, Татьяной и Светланой,

⁷ Шерифова Л.Л., Гаджиев М.А. Проблематика пьесы Л. Петрушевской «Три девушки в голубом». URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problematika-piesy-l-petrushevskoy-tri-devushki-v-golubom/viewer> (дата обращения 12.01.2024).

их бесконечные склоки и дразги больше напоминают взаимоотношения между буренинскими сестрами – Ахинеей, Дурой, Ерундой, Кретиной и др. Название пьесы Петрушевской тоже весьма слабо связано с чеховским. И хотя в пьесе Петрушевской действуют три героини, их родство тоже ослаблено, подчеркивается их отчужденность и даже враждебность друг к другу. Что касается заглавия, то оно почти буквально повторяет название американского голливудского мюзикла “Three little girls in Blue” (1948), на что указал Дмитрий Шаманский [Шаманский 2004, с. 216]. В послевоенном мюзикле события развиваются в 1902 г. Три сестры, получившие в наследство ферму, понимают, что денег недостаточно, чтобы благополучно устроить жизнь, поэтому молодые авантюристки отправляются в Атлантик-Сити на поиски женихов-миллионеров, за которых после приключений они счастливо выходят замуж. Конечно, авантурный веселый сюжет голливудского фильма мало соотносим как с унылой реальностью комедии Петрушевской, так и с меланхолическим настроением драмы Чехова. Разве что сходна проблема устройства личной жизни, так по-разному решаемая персонажами в трех произведениях.

Конечно, связь пьесы Петрушевской с «Тремя сестрами» Чехова есть, и ее обозначила сама драматург, написавшая эссе «Три ли сестры»⁸, в котором полемизирует с классиком, с финалом его произведения, с кажущимися ей необъяснимыми поступками персонажей. Однако писательница неслучайно устанавливает связь между персонажами пьесы Чехова и своими собственными родственниками, судьба которых после революции круто изменилась: некоторые были расстреляны, репрессированы, а другие попали в Москву и жили в советской действительности. Можно сказать, что Людмила Петрушевская показывает в пьесе «Три девушки в голубом» потомков «Трех сестер», неузнаваемых в новой неузнаваемой реальности.

Итак, каким же методом трансформирует Петрушевская прецедентные тексты? Используя заглавие американского мюзикла, драматург как бы «вырезает» гламурную историю замужества молодых наследниц фермы и на контрапункте разворачивает горькое и вместе с тем комическое повествование о троюродных сестрах, сражающихся за место под дырявой крышей. Конечно, российским читателям и зрителям голливудский сюжет мало известен, скорее название пьесы Петрушевской вызывает в памяти ассоциации с чеховской драмой, с его тремя сестрами. И Петрушевская, акти-

⁸ *Петрушевская Л.С.* Девятый том. URL: <https://libking.ru/books/prose-/prose-contemporary/77007-lyudmila-petrushevskaya-devyatyy-tom.html> (дата обращения 12.01.2024).

визируя нашу генетическую ассоциативную память, переселяет литературных персонажей в российскую реальность, но другой эпохи. Таким образом, происходит редукция сюжета, его изъятие и замещение другим сюжетом. Этот метод можно сравнить с методом, который в условиях современных технологий используется компьютерной программой “Reface”, позволяющей в известный живописный портрет подставить фото чужого лица.

Пьеса «Русская смерть» (2012) современного драматурга Ирины Васьковской была поставлена молодым режиссером Еленой Павловой под названием «Две сестры» в Центре драматургии и режиссуры в 2023 г. Название, выбранное Еленой Павловой, представляется более соответствующим нашему контексту. В названии спектакля есть аллюзии на пьесу Чехова. Немало аллюзий и в тексте произведения. Действие пьесы, текст которой разместился на девятнадцати страницах, происходит на старой заброшенной даче, где живут две родные немолодые сестры, постоянно подставляющие ведра под текущую прохудившуюся крышу. После продажи квартиры старшей сестрой, у которой была мечта повидать Венецию, Надя и Валя стали почти бездомными. Живя в условиях разваливающегося быта, безденежья и скуки, сестры постоянно ссорятся и мечтают о появлении хотя бы одного мужчины, способного наладить их неустроенную жизнь. После одной вечеринки младшая сестра Надя, будучи в подпитии, приводит в дом пьяного мужчину, Алексея, который, переночевав у сестер, наутро не помнит, как оказался в их доме. Он женат, свою жену он называет «псиной» и пьет, чтобы не убить «псину». Каждая из сестер пытается соблазнить Алексея, который, подобно известному гоголевскому персонажу (а также и чеховским), разгадав намерения сестер, сбегает.

В пьесе Ирины Васьковской есть легко узнаваемые аллюзии на чеховских «Трех сестер», но более всего она ориентирована на пьесу Петрушевской «Три девушки в голубом». Пьеса Васьковской как бы декларативно подчеркивает связь всех звеньев литературной цепочки. В пьесе «Русская смерть» трагикомически представлены основные сюжетные мотивы трех произведений – одиночество, мечтательность, непрактичность персонажей, неустроенность русской жизни во все времена. В названии «Русская смерть» автором подчеркивается национальная специфика жизни, не ориентированной на успех. И в этом смысле текст американского мюзикла, к которому отсылает Петрушевская, показателен в своей противоположности русской комедии. Пьеса Васьковской предельно кратка, в ней лишь три персонажа – Надя, Валя, Алексей. Такая редукция возможна при прочтении пьесы с учетом литературного контекста, живущих в памяти реципиента пратекстов,

к которым апеллирует автор и которые вызывают целый комплекс культурных ассоциаций.

Рассмотренная нами литературная цепочка отражает динамический процесс рецепции и интерпретации художественного произведения на разных временных этапах, а также механизмы трансформации прецедентного текста. На основе анализа разных по жанру произведений И. Ясинского, А.П. Чехова, Л.Г. Мунштейн, В.П. Буренина, Л.С. Петрушевской, И.С. Васьковской было показано, что одним из основных приемов при освоении «чужого» текста является редукция, усечение одних сюжетных и смысловых элементов и подчеркнутое выдвигание на передний план других. Художественный текст живет в «резонантном пространстве» и времени, и каждый последующий текст связан с предыдущими – так, по образному выражению Ирины Роднянской, работает «единая кровеносная система» литературного процесса.

Литература

- Безруков 2020 – *Безруков А.Н.* Редукция художественного повествования в прозе постреализма (цикл «Туманные аллеи» Алексея Слаповского) // *Libri Magistri*. 2020. № 4 (14). С. 24–34.
- Катаев 1989 – *Катаев В.Б.* Литературные связи Чехова. М.: Изд-во МГУ, 1989. 261 с.
- Лебедева 2015 – *Лебедева М.Н.* О причинах сюжетной редукции в сверхкратких рассказах // *Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология»*. 2015. № 3. С. 308–312.
- Одесская 2002 – *Одесская М.М.* «Три сестры»: символично-мифологический подтекст // Чеховиана: «Три сестры» – 100 лет. М.: Наука, 2002. С. 150–158.
- Петухова 2002 – *Петухова Е.Н.* «...Счастье – это удел наших далеких потомков»: от «Трех сестер» Чехова к «Трем девушкам в голубом» Петрушевской // Чеховиана: «Три сестры» – 100 лет. М.: Наука, 2002. С. 142–149.
- Регеци 2022 – *Регеци И.* Трансформация пространственных метафор драмы А.П. Чехова «Три сестры» в комедии Л.С. Петрушевской «Три девушки в голубом» // *Libri Magistri*. 2022. № 1 (19). С. 182–200.
- Тютелова 2004 – *Тютелова Л.Г.* Чехов и Петрушевская: к проблеме пародического использования («Три сестры» – «Три девушки в голубом») // *Ирония и пародия: межвузовский сборник научных статей / Под ред. С.А. Голубкова, М.А. Перепелкина, В.П. Скобелева*. Самара: Самарский государственный ун-т, 2004. С. 173–191.
- Чудаков 1999 – *Чудаков А.П.* Драматургия Чехова в кривом зеркале пародий // *Чеховский сборник*. М.: Изд-во Литературного института им. А.М. Горького, 1999. С. 207–238.
- Шаманский 2004 – *Шаманский Д.В.* «Литература не занимается счастьем» // *Нева*. 2004. № 9. С. 216–233.

References

- Bezrukov, A.N. (2020), "Reduction of artistic narrative in post-realist prose (cycle 'Foggy alleys' by Alexei Slapovsky)", *Libri Magistri*, vol. 14, no. 4, pp. 24–34.
- Chudakov, A.P. (1999), "Chekhov's dramaturgy in the distorting mirror of parodies", in *Chekhovskii sbornik* [Chekhov's collection], Izdatel'stvo Literaturnogo instituta imeni A.M. Gor'kogo, Moscow, Russia, pp. 207–238.
- Kataev, V.B. (1989), *Literaturnye svyazi Chekhova* [Chekhov's literary connections], Izdatel'stvo MGU, Moscow, USSR.
- Lebedeva, M.N. (2015), "On the reasons for plot reduction in super-short stories", *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya*, no. 3, pp. 308–312.
- Odesskaya, M.M. (2002), " 'Three Sisters'. Symbolic and mythological subtext", in *Chekhoviana: "Tri sestry" – 100 let* [Chekhoviana: "Three Sisters" – 100 years], Nauka, Moscow, Russia, pp. 150–158.
- Petukhova, E.N. (2002), " '...Happiness is the lot of our distant descendants'. From Chekhov's 'Three Sisters' to Petrushevskaya's 'Three Girls in Blue' ", in *Chekhoviana: "Tri sestry" – 100 let* [Chekhoviana: "Three Sisters" – 100 years], Nauka, Moscow, Russia, pp. 142–149.
- Regetsy, I. (2022), "Transformation of spatial metaphors of drama by A.P. Chekhov's 'Three Sisters' in the comedy by L.S. Petrushevskaya 'Three Girls in blue'", *Libri Magistri*, vol. 19, no. 1, pp. 182–200.
- Tyutelova, L.G. (2004), "Chekhov and Petrushevskaya. On the issue of parodic use ('Three Sisters' – 'Three Girls in Blue' ", in Golubkov, S.A., Perepelkin, M.F. and Skobelev, V.P., eds., *Ironiya i parodiya: mezhvuzovskii sbornik nauchnykh statei* [Irony and parody. Interuniversity collection of scientific articles], Samarskiy gosudarstvennyi universitet, Samara, Russia, pp. 173–191.
- Shamanskii, D.V. (2004), " 'Literature is not about happiness' ", *Neva*, no. 9, pp. 216–223.

Информация об авторе

Маргарита М. Одесская, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; mar-1432998@yandex.ru

Information about the author

Margarita M. Odesskaya, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; mar-1432998@yandex.ru